

Подготовила Россинская Светлана Владимировна, гл. библиотекарь библиотеки «Фолиант» МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация» e-mail: rossinskiye@gmail.com; Страница группы Вконтакте http://vk.com/library_foliant

МАЛАХИТОВАЯ МЕЧТА ПАВЛА БАЖОВА

Литературное расследование в библиотеке «Фолиант» МБУК ТБК к 15 января 20.. года - 1... летию со дня рождения русского, советского писателя - фольклориста

Малахитовые стены с алмазами и золотые пчелы... Волшебный полоз и подземный лес, где трава светится разноцветными огнями... Кованые цветы и Хозяйка Медной горы...

8 января 20... года в Литературном клубе «Прикосновение» библиотеки «Фолиант» МБУК ТБК состоялось литературное расследование, посвященное 1...-летию со дня рождения русского, советского писателя - фольклориста **Павла Бажова** (1879-1950), автора книги уральских сказов *«Малахитовая шкатулка»*.

С начала рабочего дня в библиотеке для всех желающих шел видеопозаказ документального фильма *«Сказы уральских гор»*, а также фильмов - сказок *«Золотой полоз»* и *«Каменный цветок»* - экранизаций уральских сказов писателя.

В ходе небольшого литературного расследования читатели чуть ближе прикоснулись к жизни и творчеству Павла Бажова, послушали отрывок из сказки *«Серебряное копытце»*.

Нужно признать, что как только начинаешь читать биографию писателя, вопросы возникают на каждом шагу, потому что жизнь свою этот человек прожил необыкновенно, и много раз она висела просто на волоске.

До февральской революции Бажов был преподавателем духовного училища, потом - городским головой, уездным комиссаром просвещения, позже - секретарем партийной ячейки при штабе 29-й дивизии Красной армии и редактором дивизионной газеты... Так за что же в 1919 году он был посажен в пермскую тюрьму?

Зачем добровольно в 39 лет пошел на гражданскую войну?

Почему у него, члена РКП(б) с 1918 года, отобрали партбилет 15 лет спустя? В какую нехорошую историю он снова попал?

Почему свою первую настоящую книгу написал в преклонном возрасте? И как ему, жителю маленького уральского города Камышлова, удалось стать лауреатом Сталинской премии второй степени и кавалером ордена Ленина?

Итак...

Сысертские порядки

Родился Павел Бажов в 1879 году в Сысерти - в краю жестоких нравов, затерянном среди густых грибных лесов и глубоких озер, полных рыбы.

Жизнь заводских обитателей вертелась вокруг дававших скудный хлеб цехов: туда определялись в двенадцать лет, а к тридцати пяти-сорока годам человек становился изношенным, неспособным к тяжелому труду инвалидом. Ему давали пятирублевую пенсию и определяли в возчики или сторожа.

Сорокалетние старики тихо умирали, а молодежь жестоко дралась, пуская в ход колья и кастеты. Бои шли за благосклонность местных красавиц, иногда доставалось и родне молодки, отвергнувшей рассвирепевшего Ромео. Когда друзья ревнивца принимались выставлять из ее дома двери и оконные рамы, на улицу выбегал вооруженный топором отец девушки. Завидев его, заводские парни расходились. Загуляв, заводчане пропивали весь домашний скарб - вплоть до молотка и подушек.

Надсмотрщики и надзиратели пытались держать рабочих в узде, но когда они переходили никем не указанную, но понятную обеим сторонам границу, в их ворота

засовывали письма без подписи: «...*Перешибем хребет, ломаем ноги... Сожжем в доме... Уймись*».

Если адресат не унимался, ему устраивали «учь»: начальника затыгивало в «случайно» вспыхнувшую рядом драку. Кто кого бил, выяснить обычно не удавалось, но когда рычащий людской клубок распадался, на земле корчился изломанный надсмотрщик.

Вину по традиции сваливали на беглого каторжника **Агапку**. Много лет назад он зарезал уставщика, был приговорен к каторге, уже который раз бежал с нее и жил на заводах, не особо таясь: ходил в гости, пил водку, жаловался, что без работы скучает. Его кормили всем миром, а начальство боялось Агапки, как огня. Управляющий заводами Сысертского горного округа **Мокронос** правил заводами из Екатеринбурга. Человек умный, он понимал: тут, в Сысерти, лучше не жить, однажды его чуть не разорвали...

Бажов-старший обладал острым языком, мелкое заводское начальство не прощало непристойных, надолго прилипивших к уставщикам и надзирателям острот, и его часто увольняли. Когда в доме кончались деньги, выручала мать: ее вязаные шали и чулки были куда лучше заводских.

Шло время, еда становилась все скуднее, отец все реже поминал о том, что увезет их на дальние абаканские заводы, где они, наконец, заживут по-людски...

Жизнь на сысертских заводах была нелегка, но в памяти Павла остались друзья, лучше которых нет на свете, и старики - «чертознаи», непревзойденные охотники и рыболовы, дивной красоты леса и озера, рассказы троюродного деда **Василия Хмелинина**. Старик знал множество старых сказов и былей и рассказывал их так, что вихрастая, голоногая бажовская компания слушала, разинув рот.

Все это кончилось, когда Павлуше исполнилось десять лет: ветеринарный врач **Николай Смородинцев** заинтересовался толковым мальчишкой, знавшим наизусть чуть ли не всего Пушкина, и предложил определить его в екатеринбургское духовное училище: оттуда выходили не только священники, но и учителя.

В тележку запрягли старого дедушкиного конька Чалко, и тот неспешно затрусил по проселку. Это был долгий и удивительный день: по дороге медленно тащились обозы, навстречу попался конный поезд с динамитом - крытая телега с сигнальным флажком и верховые вокруг. А близ Екатеринбурга появились странные лакированные пролетки-развалюшки (их седоки сидели, развалясь), отец сказал, что на них ездят извозчики.

Так у Павлуши началась новая жизнь...

Всеми - свое время

Отец Павла умер еще в 1896 году. После его смерти сыну пришлось несладко: родители не очень-то помогали, но теперь он узнал, каково остаться одному в чужом городе и без денег. Он подрабатывал, как мог: давал уроки, перебивался мелкими корреспонденциями.

Собирался поступать в университет, но из-за пометки «по запросу» на семинарской характеристике к экзаменам его не допустили. Семинарист Бажов заведовал подпольной библиотекой, был близок к анархистам, и невинная с виду пометка свидетельствовала о его неблагонадежности. Тогда он начал учительствовать.

...Приземистый бревенчатый дом на углу Болотной улицы Бажов построил задолго до Первой мировой, когда Свердловск еще назывался Екатеринбургом: учительского жалованья хватило на новенький сруб, а строили в кредит.

Раньше они с матерью обитали в другом, постоянно подтоплявшемся месте (улица не зря называлась Болотной), в хлипкой развалюшке со щелястым полом, настеленным прямо над землей.

Мать - **Августа Стефановна** - приехала к сыну в Екатеринбург, и он жил с ней душа в душу до тех пор, пока ему не исполнилось тридцать два года. Учительского

жалованья хватало даже на дальние поездки: во время каникул он объехал весь Урал, добрался до Украины и Крыма - но там ему понравилось куда меньше, чем в родных местах.

Росла картотека с уральскими словечками, пословицами и поговорками, он пробовал писать... Павел Петрович был человеком основательным, в его жизни все происходило не скоро.

Женился он по меркам того времени - поздно. Вот как это произошло.

Однажды на уроке литературы в екатеринбургском епархиальном училище он увидел большеглазую барышню с густой косой и поймал себя на том, что не может на нее насмотреться... **Валентина Александровна** - девушка из семьи, бедней которой только церковные мыши, была воспитанницей епархиального училища, готовившего сельских учительниц.

Предложение ей Бажов сделал в 1911 году, когда Валентина окончила курс, и в 1914 году они перебрались в ее родной Камышлов: мать одряхла, жене стало трудно управляться с домом и двумя маленькими дочками, а в Камышлове у нее были сестры... Бажовы зажили большой семьей: он сам, жена, родившиеся дочери **Ольга, Елена и Ариадна**, сын **Алеша**, да еще семейство свояченицы

Женщины занимались хозяйством, мать помогала растить детей, как это было принято в его родных местах - на Сысертском и Полевском заводах. Скончалась Августа Стефановна в 1914-м. Ее отпели в Покровском соборе и похоронили на Никольском кладбище.

Побег из Пермской тюрьмы

Прошло пять лет. На дворе стояла зима 1919 года. Будущий автор «Малахитовой шкатулки» шел вдоль железнодорожной насыпи, трясаясь от холода, и ждал пули в спину... Он только что только что улизнул из пермской тюрьмы и шел к своей семье.

Под ногами хрустел снег, ярко светила луна, вдоль дороги лежали окоченевшие трупы, и ему было очень страшно. Красная армия попала в окружение под Пермью. Бажова спасло то, что он был в гражданском платье. Позже он рассказывал, что возле железной дороги стояли ледяные статуи - казаки заморозили пленных, обливая их водой.

Догорал сброшенный с рельсов товарный вагон, вдали постреливали, ноги сводило от холода - в тюрьме с него сняли теплые сапоги и взамен дали разбитые солдатские ботинки, которые были ему малы.

Жизнь надломилась. К сорока годам у человека должны быть теплый дом и уверенность в завтрашнем дне, а Павел шел, не зная, что ждет его впереди...

...Мороз крепчал, у него не было документов, и он боялся думать о том, что ждет его дома, в маленьком городе Камышлове, где он оставил о себе не самую добрую память. Бажов уехал из Камышлова в Екатеринбург с отрядом поверивших большевикам крестьян, забрав с собой все ценности из местного банка. К городу подходили белые, деньги и золото надо было спасать - вот их и увезли в надежное место. Но хозяева спасенных вкладов вовсе не собирались отдавать свое добро на дело мировой революции и, наверняка, с нетерпением ждали его возвращения.

Бажов возвращался в Камышлов, проваливаясь в снег и обходя стороной деревни. И он бы тогда замерз, если бы над ним не сжалился едущий мимо крестьянин: тот пустил незнакомца в розвальни, спрятал под рогожей и провез мимо караулов. До Камышлова Бажов добрался, но то, что творилось дома, было ужасно...

Обеих сестер жены арестовали, племянника зарубили. Уходя воевать, он оставил жену на сносях. Новая власть ее не тронула, но после родов Валентина прямо из больницы вместе с грудным сыном попала в scarлатинозный барак. Оттуда ее, еще больную, отправили домой. Разоренный дом, не встающая с постели жена, мертвый ребенок - его первый сын так и не выжил...

Уральские скитания

Оставшись в Камышлове, он пропал бы, надо было бежать дальше. Сбрив бороду, разжившись теплой одеждой, поддельными документами и явкой в Омск, бывший редактор дивизионной газеты надел темные очки и отправился в путь. Его мучила чесотка и бил озноб, битком набитые поезда на продуваемых ледяным ветром станциях приходилось брать с боя. И все же он дотащился до Омска, но по адресу, который дали в Камышлове, никого не нашел.

Надо опять бежать, забиться в самую глушь, туда, где никто не станет его искать. Больной, с липовыми документами на имя торгового агента **Кирибаева**, он ехал в Сибирь - глухой медвежий угол, названия которого и сам пока не знал...

...Февраль 1919 года на Урале и в Сибири выдался страшно холодным. В поезд не сесть - обладателей железнодорожных билетов втискивала в вагон группа поддержки из двух-трех здоровенных мужиков. Еще оставалась открытая площадка между вагонами - туда вмещалось ровно шесть человек, седьмого и восьмого, пытавшихся примоститься на ступеньках, перед отправлением поезда охрана прогоняла.

Билет у Бажова был, а еще бутылка водки - монополька с красной сургучной головкой, незаменимое подспорье для того, кто целый день едет под открытым небом и насквозь промерз на сибирском морозе.

Павел Бажов стоял на середине площадки, тем, кто был с краю, приходилось хуже: задремав, они могли свалиться на рельсы. В кармане - билет до Иркутска, но ехать туда незачем. Не ждут его и в других местах - в Татарске из-за кашля не пустили в гостиницу: испугались, что сляжет и не встанет. Переминавшиеся на вагонной площадке мешочники сторонились его и, боясь заразы, ворчали: *«Умирать которым пора, а тоже за товаром ползут...»*

На остановке с надписью «Барабинск» он увидел незамерзшие окна вокзала, соскочил на перрон и метнулся туда, чтобы отогреться, умирать не хотелось...

И вот он стоит на залитой лунным светом вокзальной площади. Неповоротливый, словно медведь, в огромном, надетом поверх пальто бараньем тулупе с мохнатым воротником и тяжелых, подбитых мехом сапогах, насквозь простуженный, в свои сорок слишком старый для таких приключений.

Бани в Барабинске нет, в гостинице запросили двадцать рублей за ночь и отдельно за простыни - а рублей у него всего-навсего тридцать. От отчаяния он взял билет на узкоколейку и отправился в Каинск - в этот заштатный городок никто не ехал. В полупустом вагоне оказалось тепло, на постоялом дворе ему сдали горенку за рубль, еще за рубль накормили хлебом и сметаной. Поутру пришла спасительная мысль: в Каинске наверняка есть земская управа, а управе наверняка нужны учителя...

И верно: встретили его радушно, председателя не интересовала история незнакомца, а то, что документы подделаны из рук вон скверно, он предпочел не заметить: *- Видно, человек вы интеллигентный. Идите в отдел. Там выберете место...*

И Бажов отправился в находящийся за двести верст от Каинска медвежий угол Бергуль, таежную деревню в девяносто девять дворов, населенную кержаками-старообрядцами. Теперь он обзавелся настоящими документами и прогонной книжечкой *«на право взимания двух обывательских лошадей»*. Еще ему дали стопку бумаги, коробку перьев, двадцать четыре карандаша, двадцать картинок с Адамом и Евой, один задачник и две книжки «Конек-скакунок»...

В Бергуле жили старообрядцы, чьи предки когда-то перебрались из-под Новгорода в Виленский край, а оттуда - в Сибирь. Крупные, говорящие на белорусско-польский лад люди жили в больших, рубленых из необхватных бревен домах. Нравы в деревне царили строгие, и его, бритого нехристя-табачника, поили и кормили из отдельной посуды.

Мясная еда оказалась на удивление обильной, а хлеб - дрянным, жестким и

кислым: пшеница здесь не росла. Недовольство в Бергуле было общим: из-за войны сбывать крестьянский и охотничий товар стало некуда, а промышленного не хватало...

...Развеселый учитель **Мацук**, балагур и песенник, секретный агент красных, нашел учителя Кирибеева. Мацук и Бажов сколотили партизанский отряд, для начала их люди застрелили начальника милиции, затем перебили посланную в Бергуль казачью сотню. Потом отряд разгромили, Мацук погиб, а Бажова-Кирибеева вновь закружили обстоятельства.

Вот ваш отец, но никому нельзя об этом говорить...

Он исчез из Бергуля, и через некоторое время в затеряншемся среди казахских степей городе Усть-Каменогорске объявился страховой агент **Бахеев**, молчаливый человек в темных очках. На сей раз Павел Бажов точно знал, куда едет, - он выполнял задание партизанского штаба.

Он разъезжал по окрестностям Усть-Каменогорска, налаживая связи между городским подпольем и партизанским отрядом «Красных горных орлов», был членом выездной сессии Губчека.

С тех пор минуло четырнадцать лет. По вечерам, сидя за чаем с тонким кусочком хлеба, они с Валентиной Александровной вспоминали их встречу в колчаковском Усть-Каменогорске, когда она приехала в город с детьми и сказала дочкам: *«Вот ваш отец, но никому нельзя об этом говорить...»*

На кону - жизнь

...В 1933 году заведующий отделом сельскохозяйственной литературы Уральского издательства и научный сотрудник Института истории партии Павел Бажов вспоминал то, что происходило с ним пятнадцать лет назад, и думал, как все это описать.

Теперь он снова попал в очень нехорошую историю, и ему было не просто тревожно, а по-настоящему страшно. За плечами пятьдесят четыре года, на его иждивении жена и трое детей. А у него отобрали партбилет и теперь, наверняка, выгонят с работы... На что кормить семью? Прошлое ничем не может помочь, а будущего у него нет.

Донос в партком института написал некто **Михаил Кашеваров**. Теперь это называлось «заявлением»: Кашеваров обвинял Бажова в том, что тот имел чин коллежского асессора, а значит, личное дворянство, скрыл это и, наверняка, был близок к левым эсерам, приписал себе почетный, дооктябрьский партийный стаж, сдался в плен и, бежав из тюрьмы, неведомо чем занимался...

По заказу Института истории партии Павел Петрович написал книгу, немалую часть героев которой вскоре репрессировали. Донос был написан вечером того же дня, когда прошли аресты.

Кашеваров имел с Бажовым давние счеты: когда-то он написал *«Историю Шадрина»*, а возглавлявший тогда областную цензуру Бажов книгу завернул, да еще назвал черносотенной. Так он приобрел врага на всю жизнь: Кашеваров долго копался в его биографии, не поленился съездить в Камышлов и вытащил на свет божий все самое опасное.

На следующее утро Бажова вызвали в горком, и оттуда он вышел без партбилета - его лично отобрали первый секретарь Уралобкома **Кабаков**. В тот же день его уволили из издательства.

На кону стояла жизнь, надо было защищаться. Зимой 1918-го, когда он бежал из Перми, такое невозможно было представить: во-первых, он сражался за земной рай, а во-вторых, не рассчитывал дожить до утра... И кто бы мог подумать, что почти в сорок лет он оставит семью и отправится на гражданскую войну? Кто мог знать, что в пятьдесят четыре года его обвинят во всех смертных грехах?

С тех пор ему пришлось побывать и делопроизводителем, одновременно обучая в Екатеринбургском духовном училище будущих псаломщиков арифметике и чистописанию, и председателем уездного комитета партии, и членом губкома, и ответственным секретарем, и заведующим отделом писем «Крестьянской газеты». Им было написано несколько партийных книг...

Екатеринбург переименовали в Свердловск. Он у себя дома, и бежать ему некуда. Старые половицы поскрипывали под ногами, потемневшие от времени бревенчатые стены казались покрытыми высохшим медом, в конце коридора стояла конторка, служившая еще его отцу. Его гнездо, его крепость, убежище от житейских бурь...

Но от доноса родные стены не спасли. Как объяснить свою жизнь комиссии по чистке партии, члены которой не различают полутонов?

Бажов взял ручку, подвинул к себе лист бумаги и, обращаясь к партследователю товарищу Лукьянову, написал: «...*Когда человек выбегает из зажженного им вагона и сразу попадает под удар прикладом, а потом после зверского избияния его уводят в бесчувственном состоянии в тюрьму, то трактовать это как сдачу - значит не понимать действительного смысла этого слова...*»

Как еще объяснить решающим его судьбу товарищам, что чувствует человек, которому надо бежать без оглядки?

...Мерно стучали часы, на стене висела гитара сына. **Алеша** погиб в 1934-м, ему только исполнилось семнадцать... Проходил практику на производстве, там произошел взрыв... Раньше гитара принадлежала жене, и Павел Петрович любил слушать, как Валентина перебирает струны. Затем она перешла к Алеше. После того как сына не стало, до инструмента никто не дотрагивался. Гитару они так и не продали, но с пальца жены исчезло обручальное кольцо - надо было покупать еду, а в доме не осталось денег.

Через несколько месяцев все разрешилось более или менее благополучно, а через пару лет Бажова восстановили в партии, ограничились строгим выговором за дореволюционный партстаж, который он себе все-таки приписал. Это оказалось большой удачей - то, что он когда-то и впрямь примыкал к эсерам, партследователь товарищ Лукьянов проглядел... В 1939 году те, кто отобрал у него партбилет, были арестованы.

«Уральские сказы», или Новый виток судьбы

Автором обессмертивших его уральских сказов Павел Петрович Бажов, возможно, так и не стал бы, если бы не донос Кашеварова.

Бажов проводил время дома... В тот страшный 1937 год он снова начал работать над сказами. Первые были опубликованы еще год назад, в 1936 году, но тогда его целиком занимали партийная журналистика и книги о революции. Теперь все изменилось - истории, услышанные в детстве от двоюродного деда, захватили воображение, заполнили жизнь.

Большую семью теперь кормили огород да зарплата жившей вместе с Бажовыми свояченицы-учительницы. День шел за днем, за месяцем тянулся месяц...

После восстановления в партии вновь потекла милая сердцу тихая жизнь. Поутру он уходил на службу, вечером, переодевшись, копался в саду, он любил возиться с землей. Картошка и овощи с огорода были большим подспорьем для семьи. Ужин, неспешный разговор с домашними и ночная работа за отцовской конторкой. Он писал о революции, о новой деревне, работал над романом о строительстве Краснокамского бумажного комбината.

В 1940 году в свет вышла «**Малахитовая шкатулка**» - в книгу вошли четырнадцать сказов. И судьба Павла Бажова совершила новый виток: он получил все, о чем мог только мечтать советский литератор.

Его приняли в Союз писателей, назначили главным редактором Свердловского издательства, еще через год - главным редактором «Уральского современника». Затем он получил Сталинскую премию и был награжден орденом Ленина, дважды избирался в Верховный Совет.

Павел Бажов написал свою первую настоящую книгу и неожиданно для себя оказался очень большим писателем. Такая стремительная слава могла вскружить голову кому угодно, но Бажов отнесся к крутому повороту своей судьбы спокойно. Он так же возился в огороде, зимой носил неизменные мохнатую шапку, валенки и потертое пальто, составлявшие его гардероб уже лет двадцать.

Никто вокруг не замечал в нем ничего необычного, но на самом деле Павел Петрович Бажов был и здесь, и не здесь. Он вновь слышал чуть глуховатый голос Василия Хмелинина, бродил по густым лесам своего детства, полным грибов и ягод, и видел то, что будоражило его воображение в те годы. Мир, где нет крови, грязи и предательства. Мечту, из-за которой он пошел на гражданскую войну.

В 1950 году он наконец обрел то, ради чего стоило жить, и в семьдесят один год ушел туда, где его ждала Хозяйка Медной горы...

Литература:

1. **Алексеев Ф.** Павел Бажов: Уральский скиталец/Филипп Алексеев// Караван историй. - 2010. - №12. - Стр. 223-230.
2. **Казак В.** Лексикон русской литературы XX века. Вып. XVIII; Пер. с нем.. — М.: РИК «Культура», 1996. - 491 с. - Тираж: 5000 экз.
3. **Рычков А. В.** 12 путешествий по Среднему Уралу. М.: Малыш и Карлсон, 2008.
4. **Сутырин В.** Павел Бажов/Владимир Сутырин.- Екатеринбург: ИД «Сократ», 2012.- 512 с.- Тираж: 2000 экз.
5. **Шабаева Т.** Безусловно нужный/ Татьяна Шабаева// Лит. газета. - 2013.- № 37.- 18-24 сентября. - Стр. 7.
6. Интернет: <http://7days.ru/caravan/2010/10/pavel-bazhov-uralskiy-skitalets/15#ixzz2gGhSm5Pk>

Бажов с семьей